

Л 261/65

Викторъ Обнинскій.

НОВЫЙ СТРОЙ.

Часть вторая.

Реакція.

И. 6558

М. 1911

Всѣ рисунки исполнены Гра-
фическимъ Институтомъ Т-ва
«Образованіе» по способу, толь-
ко ему принадлежащему и впер-
вые въ Россіи имѣ введенному,
Фото - Тинто - Гравюрой.

I.

Бездумье.

Исторія не знаетъ случайностей; ея ходъ столько же закономѣренъ сколько закономѣрно любое явленіе въ видимомъ нами мірѣ. То обстоятельство, что только въ XX столѣтіи Берлинъ узналъ, что почва его дважды въ сутки подымается на четверть аршина, слѣдующаго закону притяженія, не мѣшало ей качаться съ правильностью маятника въ теченіе всей христіанской эры и за тысячелѣтія до нея. Равнымъ образомъ и современная пресса,—этотъ чувствительнѣйшій изъ сейсмографическихъ аппаратовъ,—отмѣтивъ начало реакціи въ Россіи въ іюль 1906 года, указала лишь на наступленіе явленія, ожидать котораго слѣдовало съ той же увѣренностью, какъ и очередного отлива въ океанѣ. А если такъ, то не должно было и наблюдаться перемѣны настроенія въ народныхъ массахъ. У береговъ шумятъ послѣдніе валы, пѣна взлетаетъ на песчанья отмели; чтобы впитаться въ нихъ безъ остатка, обнажаются безобразные подводные камни, покрытые вѣковой слизью и плѣсенью, валятся на бокъ суда, руководимые неопытными кормчими, люди собираютъ ракушки и водоросли; а тамъ, въ просторѣ глубокаго моря, никто и ничто не реагируетъ на смѣну явленій; хорошо оснащенные корабли плывутъ къ опредѣленнымъ портамъ, акулы сторожатъ зазѣвавшихся пловцовъ, чайки шныряютъ вверхъ и внизъ, свѣтится волна ночью порою. И въ то время, когда въ Петергофѣ, Петербургѣ, Выборгѣ и въ приморскихъ крѣпостяхъ готовились къ предполагавшимся катастрофамъ, надъ страной висѣло то же жаркое небо съ облаками дыма горящихъ усадебъ, и «вѣковая тишина» попрежнему нарушалась только залпами карательныхъ отрядовъ и взрывами бомбъ на городскихъ улицахъ. На поляхъ дозрѣвали тощіе колосья хлѣбныхъ, безработица продвигала свои осклизлыя щупальца въ самыя сердца фабричныхъ районовъ, и организмъ государства тайлъ и питалъ въ нѣдрахъ своихъ новую фазу болѣзни, внѣшняя форма которой постепенно спадала, давая неучамъ иллюзію выздоровленія.

Конечно, и самая иллюзія не могла наступить быстро; еще долго придется намъ встрѣчать тѣ же проявленія революціоннаго настроенія, что мы пытались систематизировать выше. Въ полтавской, курской, самарской, симбирской, херсонской, новгородской и многихъ дру-

гихъ губерніяхъ центральной Россіи и Царства Польскаго происходятъ кровавыя столкновенія народа съ полиціей и войсками; въ городахъ попрежнему приходится брать приступомъ отдѣльныя революціонныя гнѣзда, при чемъ съ обѣихъ сторонъ проявляется много мужества и личной храбрости; правда, полиція дѣйствуетъ почти всегда въ панцыряхъ, но за то положеніе осаждаемыхъ выгодноѣ въ стратегическомъ отношеніи; потери неравны лишь вслѣдствіе численнаго превосходства правительственныхъ отрядовъ. Въ Ригѣ, во время осады квартиры нѣкоей Томсонъ, запершіеся латыши все время распѣвали революціонныя пѣсни и, симулируя сдачу вывѣшиваніемъ бѣлаго флага, стрѣляли по полиціи, пока не были перебиты. Въ Петербургѣ, при попыткѣ накрыть пропагандистовъ василеостровскаго фабричнаго района, завязался такой бой, что пришлось вызывать подкрѣпленія; убитъ былъ полковн. Колчакъ, ранено нѣсколько офицеровъ и городовыхъ; часть осажденныхъ скрылась въ сосѣднихъ дворахъ, оставивъ въ квартирѣ умиравшихъ товарищей и *двухъ дѣтей*. Это постоянное присутствіе во всѣхъ стадіяхъ революціи дѣтей придаетъ ей особенный драматизмъ; отъ грудныхъ младенцевъ, таскаемыхъ на митинги, малышей, выставляемыхъ впереди крестьянскихъ толпъ при столкновеніяхъ съ казаками, и до подростковъ, ведомыхъ къ висѣлицамъ,— всѣ возрасты принесли дань стоголовому революціонному Молоху, надолго впередъ предрѣшивъ характеръ жизни и дѣятельности современныхъ поколѣній.

Роспускъ первой Думы открывалъ передъ Кабинетомъ Министровъ болѣе чѣмъ полугодовой періодъ полной свободы дѣйствій, и совершенно понятно было стремленіе правительства очистить себѣ путь къ примѣненію 87-й статьи основныхъ законовъ; къ своеобразному толкованію этой статьи русское общество еще должно было привыкнуть. Поэтому всѣ мѣры подавленія были усилены, а отсутствіе критики съ трибуны Таврическаго дворца окрыляло усердіе мѣстныхъ органовъ, далеко переходившихъ предѣлы, благоразумно отмѣченныя телеграммой предсѣдателя Совѣта Министровъ отъ 11 іюля. Такимъ образомъ, при уменьшающемся постепенно количествѣ выступленій, мы замѣчаемъ обостреніе ихъ теченія; не мало способствовало этому и то обстоятельство, что болѣе умѣренные круги населенія возвратились къ своимъ текущимъ дѣламъ и что участниками столкновений, митинговъ, демонстрацій и забастовокъ оставались уже только наиболѣе активные элементы революціи, среди которыхъ снова, какъ и въ 1904 году, начинаютъ преобладать рабочія массы. Тѣмъ не менѣе, митинги продолжаются, особливо въ первые дни послѣ роспуска; по участникамъ ихъ стрѣляютъ (Юзовка, Москва и др.),—дорога къ свободѣ слова окрашивается кровью и становится еще труднѣй;

на митинги собираются, какъ въ походъ, вооружаясь чѣмъ придется; случается, что ораторскіе періоды прерываются учебной стрѣльбой боевыхъ организацій, на которую являются войска или стражники; митингъ сразу переходитъ въ правильный бой, пока участники его не разбѣгаются, оставляя врагу трофеи въ видѣ немудреныхъ красныхъ флажковъ, брошюръ, въ родѣ «Тактика уличнаго боя», да раненыхъ соратниковъ (Кострома и др.). Принимаются, наконецъ, и такія радикальныя мѣры, какъ приказъ Кременчугскаго ген.-губернатора о разгонѣ сходокъ на днѣпровскихъ островахъ орудіянымъ огнемъ; а въ Петербургѣ возобновляется обученіе городовыхъ стрѣльбъ изъ пулеметовъ, въ очевидномъ предположеніи, что войска не всегда будутъ подъ рукою при подавленіи городскихъ волненій. По мѣрѣ проникновенія въ провинцію вѣсти о роспускѣ Думы, крестьяне также собираются на митинги, но лишь съ цѣлью потолковать о крушеніи надеждъ своихъ на нее, да послушать своихъ депутатовъ, вернувшихся домой значительно разившимися политически; немалое число ихъ вскорѣ было привлечено за свои рѣчи, въ коихъ неопытные и искренніе ораторы нерѣдко употребляли привычныя по прежней жизни крѣпкія слова по адресу лицъ, раньше казавшихся недостижимыми. Здѣсь же снаряжались и ходоки для провѣрки извѣстія о роспускѣ; и несмотря на то, что печатное слово для этого класса имѣетъ чуть не непреложное значеніе, такъ трудно было согласовать слова обращенія Государя Императора къ первымъ депутатамъ въ Зимнемъ дворцѣ съ перечисленіемъ ихъ дѣяній въ манифестѣ 9-го іюля, — дѣяній, казавшихся крестьянамъ, быть можетъ, простымъ исполненіемъ депутатскихъ обязанностей, — что около сотни ходоковъ прибрели со всѣхъ концовъ Руси убѣдиться въ томъ, что Таврическій дворецъ наглухо и надолго запертъ. Что касается до черныхъ сотенъ, то, несмотря на значительную свободу, имъ предоставленную, онѣ мало пользовались открытымъ словомъ, предпочитая ему испытанную пропаганду въ городскихъ низахъ путемъ спаиванія, раздачи денегъ и оружія.

Въ интеллигентскихъ сферахъ, ожидавшихъ отпуска и вообще сдержанныхъ, проявленія возмущенія носили болѣе внушительный характеръ; послѣ всеобщаго удовлетворенія, вызваннаго демонстративнымъ отклоненіемъ Гос. Совѣтомъ ассигновки 50 милліоновъ въ распоряженіе г.г. Гурко и Лидваля, истолкованнаго, какъ выраженіе недовѣрія кабинету со стороны Монарха и законодательныхъ палатъ, роспускъ Гос. Думы приобрѣлъ особое значеніе. Начиная съ демонстративныхъ выходовъ изъ церквей, гдѣ священники читали манифестъ о роспускѣ, поясняя его указаніями на «подкупъ Думы евреями и поляками», и до выхода изъ Гос. Совѣта членовъ партіи народной свободы, профессоровъ Вернадскаго, Лаппо-Данилевскаго, Ба-